

А

Анатолий Федорович Кони

Иван Александрович Гончаров

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю

Сто лет назад, в годину грома и молний Отечественной войны, у нас родились два человека, которым суждено было сыграть выдающуюся роль в родной словесности. Оба горячо и каждый по-своему любили Россию. Один, твердый во взглядах на её призвание и нужды и стойкий в проведении в жизнь своих убеждений, сыпал, как камень, при каждом прикосновении с действительностью искры ума, таланта, любви, негодования... Это был Герцен. А другой был тот, в чью память мы собрались здесь сегодня и кого хотим помянуть. Замечательно, что в тот же год в Англии родился Диккенс, столь любимый современными ему поколениями русских читателей и во многом сходный с Гончаровым в приемах и объеме своего творчества. Только что говоривший на этой кафедре академик Овсяннико-Куликовский уже сказал нам о художнике великой силы, о бытописателе, умевшем в ярком образе отметить такое присущее нашей жизни явление, как обломовщина. Но рядом и в неразрывной связи с творчеством писателя стоит его личность. На ней хочу я преимущественно остановиться, хотя бы и в кратком очерке. На это дает мне право давнее знакомство с Гончаровым, которого я видел и слышал в первый раз еще вскоре по возвращении его из кругосветного плавания. В начале семидесятых годов я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни. В моем жилище хранится толстая пачка его писем, полных живого и глубокого интереса, а со стен на меня смотрят Вера с Марком Волоховым и Марфинька в оригинальных рисунках Трутовского с посвящением их автору "Обрыва", завещанные мне последним. С мыслью о Гончарове связывается у меня благородное воспоминание о впечатлениях юных лет в незабвенные для русской литературы времена, когда в конце пятидесятых годов, как из рога изобилия, сыпались чудные художественные произведения, когда появились "Дворянское гнездо" и "Накануне", "Тысяча душ" и "Обломов", "Горькая судьбина" и "Гроза".

Не могу, однако, не коснуться свойств, условий и содержания его творчества. Обращаясь к *свойству* последнего, необходимо отметить его крайний субъективизм, т. е. тот личный характер, которым оно всецело проникнуто. Произведения Гончарова прежде всего -- изображение и отражение его житейских переживаний. Он сам сказал: "Что не выросло и не созрело во мне самом, чем я сам не жил, то недоступно моему перу; я писал свою жизнь и то, что к ней прирастало". Поэтому его личность тесно связана с его творчеством, и на последнем постепенно отражается все, что трогало его душу, как теплое воспоминание, как яркая действительность или как захватывающая его мысль и внимание картина. Говоря однажды о Толстом, он писал Валуеву, что Толстой набрасывает на жизнь широкую сеть и в нее захватывает разнообразные явления и множество лиц. Но то же самое можно сказать и о нем самом. Зорко приглядываясь и чутко прислушиваясь к образам и звукам "прираставшей" к нему жизни, он переживал их в душе, и потому в его произведениях чувствуется не меньше "сердца горестных замет", чем "ума холодных наблюдений"; потому в них под прозрачной тканью вымысла видятся, как и у Толстого, частые автобиографические подробности. Вообще, если искать сравнения между крупными русскими писателями, то Гончаров ближе других подходит к Толстому, и у него, как у Толстого, почти отсутствует юмор. Изображая жизнь, он, конечно, не мог не отмечать вызывающих улыбку или смех людей, встречавшихся ему на жизненном пути или перевоплощаемых им в своих произведениях. Обломовский Захар, вестовой на "Палладе", "слуги" содержат в себе черты неподдельного комизма. Но это лишь плод тонкой наблюдательности Гончарова. Там же, где он пытался создавать сложные комические положения, это ему не удавалось. Достаточно припомнить слабый в художественном отношении и почти карикатурный образ Крицкой в "Обрыве". Написав большой юмористический рассказ "Иван Саввич Поджабрин", Гончаров потом сам от него отрекся и не допускал перепечатки его в полном собрании своих сочинений. У него, как и у Толстого (Толстого первой половины его творчества), нет в произведениях политических или общественных вопросов, которые ставились бы или разрешались автором. И это потому, что Толстого более всего интересовала нравственная природа человека вообще, независимо от условий, в которых ей суждено проявляться, а Гончаров стремился изобразить национальную природу русского человека, народные его свойства, независимо от того или иного общественного положения. Поэтому, вероятно, Гончаров менее других выдающихся русских писателей

А